

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Иеромонахъ Иринархъ—кн. Д. И. Долгорукому.

Флоренція, 10 Октяб. ст. лт. 1826.

Любезный Князь
Дмитрій Ивановичь!

Печальный гласъ *вѣчной памяти*, раздавшійся надъ хладными останками любезнѣйшаго брата Вашего Михайла Ивановича, безъ сомнѣнія достигъ уже Вашего слуха и пронзилъ все Ваше существо живѣйшимъ чувствомъ скорби. Будучи обязанъ писать Вашему Сіятельству, какъ Служитель Евангелія, я долгомъ поставлю себѣ напомнить Вашему Сіятельству, что Вы *не должны скорбѣть о умершемъ, яко же язычницы неимущіе упованія. Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ.* Врачи въ рукъ Промысла ничто другое суть, какъ орудія, которыми Всевидѣцъ дѣйствуетъ, дабы продолжить или сократить жизнь человѣка. Естьли и *воробей*, по увѣренію Евангелія, *не падаетъ безъ воли Божіей*; естьли и *волосъ съ головы нашей не пропадетъ, безъ поущенія Его*, то кольми паче должны мы вѣрить, что Князь переселился въ царство духовъ по опредѣленію Монарха неба и земли.—Впрочемъ я увѣренъ, что Вы желаете узнать ходъ болѣзни, похитившей у насъ безвременно столь любезнаго Друга.

По отъздѣ Вашемъ изъ Флоренціи, Князь ввѣрилъ себя Г-ну Несполи, одному изъ лучшихъ *здѣшнихъ* докторовъ. Болѣзнь Князя не имѣла тогда никакого вида опасности, и по Вашимъ словамъ, могла быть изгнана *постомъ и молитвою*; докторъ началъ изгонять ее самыми крѣпкими лѣкарствами; изъ оставшихся рецептовъ видно, что 22 и 26 Маія онъ дѣйствовалъ на нее, хотя внѣшнимъ образомъ, посредст-

вомъ *sublimata corrosivo di sei grani* и пр. сіе неблагоразуміе сопровождалось еще опаснѣйшею неосторожностію: когда употребляютъ *mercurio sublimato*, доктора запрещаютъ обыкновенно больному выходить на свѣжій воздухъ; но Нespoли позволилъ брату Вашему прогуливаться. Почти послѣ всякой прогулки, Князь чувствовалъ себя хуже, наконецъ около 20 Іюня совершенно сдѣлался боленъ: въ немъ открылся тогда столь сильный кашель, продолжавшійся до самой смерти, что нельзя было смотрѣть на него безъ состраданія; впрочемъ сей кашель не былъ главною болѣзнію, а только дѣйствіемъ болѣзни, состоявшей въ воспаленіи въ груди, называемомъ *pleuresie*. Во все продолженіе болѣзни Князь издавалъ чрезвычайное множество гнилыхъ мокротъ. Въ послѣдней половинѣ Іюля и въ началѣ Августа покойный началъ было чувствовать себя лучше; кашель нѣсколько утихъ, аппетитъ, котораго до тѣхъ поръ не имѣлъ, возвратился, и мы надѣялись, что въ послѣдней половинѣ Августа онъ безопасно будетъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ; но случилось противное: ходъ выздоровленія сдѣлался медленнѣе, и почти совершенно остановился. Князь имѣлъ лихорадку почти ежедневную, впрочемъ кашель и воспаленіе въ груди не были столько сильны, какъ въ началѣ. Здѣсь докторъ, какъ я думаю, сдѣлалъ тогда ошибку, которая повергла Князя въ состояніе совершенной опасности. Онъ былъ слабъ до такой степени, что не могъ еще сдѣлать шага въ своей комнатѣ; Нespoли, чтобы ускорить ходъ выздоровленія, посоветовалъ ему прогуливаться въ каретѣ, и самъ ѣздилъ съ нимъ; Князь былъ выносимъ въ карету на рукахъ; а я удивился, когда услышалъ въ первый разъ о сихъ выѣздахъ; къ большому несчастію въ тѣ дни, когда начались прогулки, погода была очень худая: послѣ трехъ или четырехъ выѣздовъ, Князь сдѣлался отчаянно нездоровъ. Кашель возвратился съ новою силою; аппетитъ совершенно пропалъ; лихорадка начала посѣщать каждый день; мокроты были пополамъ съ кровію; словомъ, съ сего времени я потерялъ всю надежду видѣть его выздоровленіе. 27 Августа, пришедши къ нему послѣ обѣда, я нашелъ его въ ужасномъ положеніи; онъ плакалъ, какъ дитя, и говорилъ: „Какъ трудно быть въ послѣднихъ минутахъ! какъ мало приготовился я къ нимъ!“ На другой день онъ пріобщился Св. Тайнъ, и ему сдѣлалось нѣсколько легче; сдѣланная въ сіе время консультація была бесполезна; жизнь больного угасала ежедневно весьма ощутительнымъ образомъ. Наконецъ 1-го Октября въ 5 часовъ утра онъ такъ почувствовалъ себя худо, что захотѣлъ еще пріобщиться Св. Тайнъ, видя близкую смерть свою. Впрочемъ по принятіи Тайнъ и по приложеніи горчницы къ пяткамъ, онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и сказалъ: „Теперь, можетъ быть, еще проживу мѣсяца два.“ Въ

два часа пополудни онъ просилъ меня прочитатъ ему какія нибудь газеты; находя совершенно бесполезнымъ для него сіе чтеніе и видя неминуемую его смерть, я предложилъ ему чтеніе Евангелія, онъ согласился. Во время чтенія Посланія къ Галатамъ, онъ потребовалъ *отпускную* своего камердинера, который наканунѣ просилъ его написать оную, но получилъ отказъ; поправилъ ее, какъ должно, и подписалъ ее рукою, довольно твердою. До самой послѣдней минуты своей жизни, кончившейся 1-го Октября въ 5 1/2 часовъ пополудни, Князь сохранилъ всю память и весь рассудокъ. Тѣло его оставалось въ домѣ болѣе трехъ сутокъ: гробъ былъ обитъ краснымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ. Многіе изъ нашихъ соотчичей сопровождали бездыханнаго друга за городскія ворота. Гробъ былъ везенъ шагомъ въ большихъ дрогахъ, по обѣимъ сторонамъ шли четыре человѣка, державшіе большіе факелы, весь гробъ былъ покрытъ чернымъ бархатнымъ покрываломъ, на которомъ вышиты галуномъ всѣ знаки смерти; на гробъ положена была черная бархатная съ серебрянымъ галуномъ подушка. 6 сего мѣсяца смертная оболочка оставшагося безсмертнымъ существомъ брата Вашего, погребена на Греческомъ кладбищѣ въ Ливурнѣ. Во время болѣзни особенное попеченіе о больномъ прилагали агличане: г-жа Аберхорнъ, сестра ея Лэди Жули Локквудъ и мужъ сей послѣдней. Они въ иной день пріѣзжали къ нему два и три раза, освѣдомлялись о его нуждахъ, и удовлетворяли оныя. Г. Демидовъ также помогалъ Князю деньгами до смерти; но по кончинѣ совершенно отказался отъ всѣхъ издержекъ, которыя надобно было сдѣлать для погребенія: такъ-то справедливо то, что говорилъ Псалмопѣвецъ: *и ближніе мои отдалеча мене стали и чуждахуся*. Сіе поведеніе его всѣ осуждаютъ.

По кончинѣ Князя, Сверчковъ тотчасъ приказалъ мнѣ запечатать всѣ его вещи и бумаги и взять ключи. Я увѣренъ, что Вашему Сіятельству извѣстны всѣ золотыя и серебряныя вещи, оставленныя покойнымъ Княземъ. Впрочемъ на слѣдующей почтѣ я постараюсь доставить Вамъ краткое описаніе всего важнѣйшаго. Что дѣлать съ письмами покойнаго, которыхъ чрезвычайное множество, которыя, какъ мнѣ кажется, ни къ чему не могутъ служить. Не прикажете ли принести ихъ во всеожженіе, сохранивъ впрочемъ ихъ нѣхъ тѣ, которыя нужны и интересны для Васъ. Прошу Васъ покорнѣйше удостоить насъ своихъ наставленій, въ семъ отношеніи до получения Вашихъ приказаній все будетъ сохранено въ цѣлости. На могилѣ покойнаго брата Вашего мы ничего не дѣлали, что бы возвѣщало проходящимъ о почивающемъ въ оной, ожидая отъ Вашего Сіятельства на то рѣшенія. Простите,

Князь, что письмо сіе написано съ нѣкоторою небрежностію; причиною сего краткость времени. На слѣдующей почтѣ я постараюсь еще написать Вамъ, естли не встрѣтится какого препятствія къ тому.

Примите искреннее увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ каковымъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства Покорнѣйшій слуга
Гером. Иринархъ

Милостивому Государю Господину Князю Долгорукому Секретарю
Русскаго Посольства Въ Испанію въ Мадридъ.

Флоренція, 21 Ноября 1826.

Любезный Князь

Дмитрій Ивановичь!

Вопросъ Вашъ о золотомъ крестикѣ, который носилъ на шеѣ Князь, показываетъ, что Вы желали бы имѣть и носить его на своей груди, дабы непрестанно вспоминать о томъ, котораго Вы носили всегда въ мысляхъ и въ сердцахъ. Съ сердечнымъ сожалѣніемъ я долженъ объявить Вашему Сіятельству, что желаніе Ваше не можетъ быть удовлетворено. Мы имѣли твердое намѣреніе положить его въ гробъ, но одна изъ ангельскихъ душъ, помогавшихъ столь усердно и неутомимо Вашему брату нести крестъ страданій, принудила переменить наше намѣреніе усиленнымъ прошеніемъ уступить ей оный, какъ утѣшительный памятникъ искренней и чистой дружбы. Можно ли было отказать въ семъ утѣшеніи г-жѣ Lockwood, которой Князь былъ преданъ всѣмъ сердцемъ; которая во все время его страданій пеклась о немъ, какъ самая близкая родственница, и которая, тогда какъ другіе начали удаляться отъ Вашего брата, почитая дыханіе его *заразительнымъ*, болѣе и болѣе усугубила свои попеченія о немъ? Отказъ въ такомъ случаѣ казался мнѣ неучтивостію и непризнательностію. Впрочемъ я не самъ по себѣ сдѣлалъ сіе удовлетвореніе г-жѣ Lockwood, но съ согласія на то г. Сверчкова, который также нашель лучшимъ не предавать землѣ такую вещь, которая могла доставить утѣшеніе сильно огорченной потерей любезнѣйшаго предмета и продолжить въ ней память о умершемъ,—память, безъ сомнѣнія, пріятную для родственниковъ его. На мѣсто сего крестика я купилъ отъ себя новый золотой

крестикъ такой же величины: г-жа Lockwood захотѣла положить во гробъ, съ своей стороны, другой: оба сіи крестики были освящены мною во время обѣдни, пѣтой о умершемъ. Ежели освященные вещи могутъ сообщать свое освященіе тѣламъ бездушнымъ, въ соприкосновеніи съ которыми онѣ находятся, въ чемъ я довольно имѣю причинъ быть увѣренъ, то новоосвященные наши кресты болѣе доставятъ пользы покойному, нежели сколько доставилъ бы тотъ, который отъ долговременнаго употребленія, вѣроятно, много утратилъ освятительной силы.

Что сказать Вамъ о почтенномъ семействѣ Бутурлиныхъ? По возвращеніи изъ Ливурна. гдѣ оно проводило лѣто, Графиня нерѣдко навѣщала больного; но по той мѣрѣ, какъ выздоровленіе его дѣлалось безнадежнымъ, посѣщенія становились рѣже и холоднѣе. Скажу Вамъ откровенно, что мое мнѣніе о сей особѣ довольно разнится отъ Вашего. Любовь христіанская, конечно, не позволить судить строго о другихъ; однако жъ Евангеліе велитъ различать деревья по ягодамъ ихъ: *по плодамъ ихъ познавать ихъ*. Плоды дерева, о которомъ идетъ рѣчь, всегда были для меня не только безвкусны, но горьки; а поэтому я не могу не почитать его дикимъ, которое имѣетъ нужду въ прививкѣ отъ истинной виноградной лозы, дабы содѣлаться способнымъ къ принятію добрыхъ плодовъ.

Въ сію минуту я получилъ письмо изъ Рима отъ г-жи Lockwood, въ которомъ она увѣдомляетъ, что она получила Ваше письмо въ Римѣ, и принимаетъ живое участіе въ Петрѣ.

Князь Михайла Ивановичъ не оставилъ никакихъ завѣщаній, которыя бы могъ я сообщить Вамъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Первое и единственное открытіе, сдѣланное имъ на духу въ день его смерти, было то, что онъ дѣлаетъ Петра вольнымъ со всѣмъ его семействомъ. Хотя съ половины Августа я не имѣлъ уже надежды увидѣть его выздоровленіе; однакожъ не чувствовалъ въ себѣ столько твердости духа, чтобы сказать ему, какъ сказалъ нѣкогда Исаія царю Іудейскому: *устрой о дому твоёмъ, умираеши бо ты, и не будеши живъ*. Я не говорилъ ему никогда о неизбѣжности предстоящей ему смерти, особенно потому, что всѣ приходящіе къ нему, болѣе по любопытству, нежели по усердію, обѣщали ему скорое выздоровленіе. Впрочемъ я не былъ совершенно равнодушенъ къ его душѣ, долженствовавшей скоро перелетѣть въ страну вѣчности. При всякомъ благопріятномъ случаѣ я старался дать ему почувствовать необходимость искать утѣшенія въ

Религіи, предаться совершенно на волю Отца небеснаго, и погружаться въ раны Іисуса, который есть *Врачъ души и тѣлеси*. Мои совѣты часто производили впечатлѣніе на его сердце, и онъ заставлялъ меня читать ему такія статьи, въ которыхъ говорится о приготовленіи къ смерти. Единственное мое желаніе въ бесѣдованіяхъ съ нимъ было то, чтобы возбудить въ немъ сколько нибудь живую вѣру и надежду, увѣряя его словомъ Божиимъ, что дѣлами закона не оправдается передъ Богомъ никакой человекъ (Рим. III, 20), что всякой грѣшникъ оправдывается и спасается одною вѣрою, независимо отъ добрыхъ дѣлъ (28), и что полагающійся на добрыя дѣла находится даже подъ проклятіемъ (Галат. II, 19). Чтобы болѣе увѣрить его въ сей утѣшительной истинѣ, я обращалъ его взоры къ Голгоѣ, гдѣ представляется спасеніе разбойника, который не имѣлъ никакихъ добрыхъ дѣлъ, а за одно только увѣрованіе въ Господа, взявшаго на Себя все наши грѣхи и наказанія за оныя, введенъ въ рай. Особенно въ послѣднія минуты я старался внушить важность вѣры. Мое намѣреніе было то, чтобы онъ уснулъ съ мыслию о Исккупителѣ и пробудился на томъ свѣтѣ въ лонѣ Отца небеснаго. Кажется, что мое внушеніе о оправданіи и спасеніи нашемъ одною только вѣрою, было принимаемо искренно и сердечно. Какъ можно судить о томъ изъ того, что дней за двадцать до смерти онъ купилъ себѣ два естампа, изъ коихъ одинъ представляетъ Іисуса Младенца, спящаго на Крестѣ, а другой Марію Магдалину, съ подписью внизу: *впра спасла тебя*. Оба сіи естампы хранятся и теперь въ цѣлости. Г-жа Аберкорнъ просила ихъ себѣ въ памятникъ; но я, дабы удовлетворить ея желанію, и вмѣстѣ съберечь въ цѣлости такія вещи, которыя долженствовали слѣдовать во гробъ за покойникомъ, купилъ ей такія же двѣ карты, и тѣхъ же авторовъ, а оныя сохранилъ. Готовый всегда къ услугамъ Вашему Сіятельству

Іером. Ирнархъ.

Его Сіятельству Господину Князю Долгорукому Секретарю Императорскаго Русскаго Посольства въ *Мадридъ*.

А. Сверчковъ Князю—Д. И. Долгорукому.

Получено 13 Ноября 1826 года.—Флоренція, 14/26 Октября 1826 года.

Любезный Князь!

Я долженъ просить у васъ извиненія за то, что опоздалъ написать вамъ, но это промедленіе было вызвано избыткомъ занятій и

другими причинами, которыя вы легко поймете, если узнаете печальную новость, которую я наконецъ долженъ сегодня сообщать Вамъ.

Въ настоящее время вы, вѣроятно, уже знаете о постигшей Васъ незамѣнимой утратѣ. Мнѣ выпала горестная участь присутствовать при послѣднихъ минутахъ Вашего прекраснаго брата, но еслии мое присутствіе могло хоть на нѣсколько минутъ принести ему нѣкоторое облегченіе, для меня будетъ искреннимъ утѣшеніемъ мысль о томъ, что я находился при немъ, потому что мы были вмѣстѣ такъ мало, что я не имѣлъ возможности приобрѣсти его привязанность; его управление дѣлами въ мое отсутствіе показало мнѣ, что въ его лицѣ я потерялъ чиновника, который заслуживалъ полнаго уваженія и вниманія. Итакъ, я чистосердечно (раздѣляю) скорблю вмѣстѣ съ Вами, Любезный Князь, объ этой тяжелой потерѣ.— Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что мнѣ удалось узнать о главной причинѣ его смерти. Повидимому, имѣя довольно сильную сыпь на лицѣ, онъ хотѣлъ отъ нея избавиться и употреблялъ очень сильныя лѣкарства, благодаря которымъ это явленіе исчезло въ очень короткій срокъ, но вскорѣ онъ началъ страдать внутренней болѣзnią, которая въ короткое время настолько усилилась, что лучшіе врачи, призванные, не нашли средствъ спасти его. До послѣдней минуты онъ сохранилъ присутствіе духа, и замѣчательно то, что за часъ до кончины онъ подписалъ отпускную своему лакею Петру. Этотъ честный человекъ, примѣрно служившій ему, хотѣлъ получить ее и просилъ нашего домового священника, досточтимаго отца Иринарха склонить Вашего брата къ согласію, но онъ дважды отказалъ ему, говоря, что это не нужно и что онъ самъ сдѣлаетъ это тогда, когда придетъ время. Дѣйствительно, какъ я уже упомянулъ, за часъ до смерти, находясь наединѣ съ досточтимымъ отцомъ, который читалъ ему отрывокъ изъ Библии, онъ прервалъ его и попросилъ показать ему эту бумагу. Прочиталъ ее и съ первой до послѣдней строки своей рукой исправилъ недостатки слога и ошибки въ правописаніи, послѣ чего онъ самъ *поставилъ* свою подпись и приложилъ гербовую печать и оформленную бумагу передалъ отцу Иринарху. Мнѣ думается что Вы и Любезный братъ Вашъ одобряете это послѣднее проявленіе его милосердія. Я передамъ бумагу Петру, когда это понадобится, а такъ какъ ему придется вернуться на родину, я способствовалъ выполненію его желанія. Я составилъ отчетъ о всѣхъ оставшихся послѣ Вашего брата вещахъ, книгахъ и другомъ имуществѣ, и перешлю Вамъ списокъ съ него черезъ Испанское Посольство во Флоренцію для того, чтобы избавить Васъ отъ почтовыхъ издержекъ. Пока эти вещи убраны въ надежномъ мѣстѣ. У меня есть также

нѣсколько Вашихъ писемъ изъ Мадрида, полученныхъ послѣ его смерти, я перешлю ихъ Вамъ тѣмъ же путемъ. Такъ какъ у Вашего брата во всемъ былъ замѣчательный порядокъ, онъ оставилъ мало долговъ, которыхъ нельзя было избѣжать послѣ долгой болѣзни, а его средства были довольно скудны, но Вашъ дядя Демидовъ въ разное время помогалъ ему и только послѣ его смерти отказался взяться за его дѣла, и тогда черезъ своего банкира я уплатилъ всѣ издержки, которыя пришлось сдѣлать при такихъ обстоятельствахъ. Вамъ не придется ввести себя въ расходъ, и, если Е. И. В. пожалуетъ 3 тысячи франковъ, о которыхъ я при посредствѣ Посольства ходатайствовалъ, какъ о вознагражденіи за его усердіе по службѣ, то вѣроятно еще останется немного денегъ, которыми Вы можете располагать. Прежде чѣмъ кончить это письмо, считаю необходимымъ еще разъ повторить Вамъ, насколько Вашъ братъ заслужилъ всеобщее уваженіе и какое живое сожалѣніе вызвала его смерть въ каждой знавшей его душѣ. Двѣ дамы англичанки, лэди Аберкорнъ и лэди Локвудъ до послѣдней минуты проявляли по отношенію къ нему самыя трогательныя доказательства привязанности и рѣдкой преданности. Что касается меня, то я очень доволенъ его поведеніемъ въ мое отсутствіе,—это было поведеніе человѣка умнаго, съ возвышеннымъ сердцемъ и умомъ. Я также не преминулъ засвидѣтельствовать о его прекрасныхъ качествахъ въ донесеніи, сдѣланномъ мною по этому случаю въ Министерство.—Соблаговолите, Любезный Князь, по полученіи списка вещей, дать мнѣ указанія, какъ Вы желали бы распорядиться вещами, находящимися на складѣ Императорскаго Посольства во Флоренціи.

Прошу Васъ принять увѣренія въ особомъ уваженіи

А. Сверчковъ.

Маркиза д'Аберкорнъ—Князю Д. И. Долгорукому.

Только что получила Ваше письмо, Любезный Князь; письмо, слишкомъ меня огорчившее, хотя я нисколько не удивляюсь сожалѣнію, высказываемому Вами о добромъ и уважаемомъ другѣ, котораго мы только что потеряли.

Единственное остающееся для насъ утѣшеніе это увѣренность въ томъ, что онъ счастливѣе тѣхъ, кого покинулъ. Такъ какъ моя сестра

и я часто видѣли его до болѣзни, мы имѣли возможность хорошо (близко) узнать его, а узнавши его, мы не могли не уважать его, я надѣюсь, что намъ удалось скрасить ему послѣдніе дни, хотя мы и не могли быть дѣйствительно полезными ему. Не думаю, чтобы у него было какое нибудь другое желаніе, кромѣ желанія видѣть Васъ подлѣ себя, потому что онъ нѣжно любилъ Васъ,—но могу сказать вамъ въ утѣшеніе, что онъ видѣлъ достаточно вниманія къ себѣ, такъ какъ его лучшій другъ не отходилъ отъ него. Если бы я могла себѣ представить, что онъ серьезно боленъ, я во время написала бы Вамъ. Но, видя его наканунѣ моего отъѣзда на купанья въ Лукку, я даже надѣялась, что онъ пріѣдетъ къ намъ, и первое, что обезпокоило меня, была переменна въ его почеркѣ. По возвращеніи во Флоренцію я узнала, что онъ уже не встаетъ съ постели, и съ тѣхъ поръ я видѣла его каждый день. Его жизнь была такъ же чиста, какъ и его душа. Я думаю, что меня онъ любилъ какъ мать, а мою сестру—какъ родную сестру, намъ трудно будетъ замѣнить его, такъ какъ мы изучили его чудныя качества, однимъ словомъ, и я не знаю какъ и сожалѣть о его утратѣ.

Если когда нибудь мы будемъ имѣть удовольствіе жить въ одномъ и томъ же мѣстѣ, я надѣюсь, что часто буду Васъ видѣть и тогда—печальное утѣшеніе—мы будемъ бесѣдовать о достоинствахъ дорогого Князя, и, надѣясь на это, прошу Васъ, Любезный Князь, примите увѣренія въ лучшихъ чувствахъ, съ которыми я и остаюсь.

Маркиза д'Аберкорнъ

Сестра благодаритъ Васъ за милую память о ней и проситъ меня передать Вамъ, что будетъ очень рада съ Вами познакомиться.

Князь Д. И. Долгорукій—брату.

Римъ, 6-го Декабря 1826 года.

Получено 17 Іюня 1821.

Какъ, добрый мой Мишель! Вы въ Петербургѣ, вы на дипломатическомъ поприщѣ! Какія счастливыя вѣсти! Какъ я радуюсь при мысли, что вы не поглощены больше военнымъ безуміемъ, а рѣшились вступить на другую дорогу, хотя и не столь блестящую, но настолько же пріятную и часто болѣе полезную!

Представляю себѣ состояніе то изумленія, то удовольствія, въ которомъ вы находитесь попеременно. Какъ все должно удивлять васъ

въ первыя минуты вашего перваго появленія въ свѣтъ, въ одно и то же время и большомъ, и маломъ, и новомъ. Тысячи радостей, тысячи заботъ ожидаютъ васъ тамъ, и конечно все зависитъ (только) лишь отъ вашей воли, отъ перваго плана дѣйствій, намѣченнаго вами. Представляя себя среди васъ, я смотрю сквозь очки, обладающіе страннымъ свойствомъ то увеличивать, то уменьшать предметы: подобно вамъ, я ощущаю теперешнюю вашу радость, а главное, испытываю тѣ огорченія, которыя вы почувствуете со временемъ.

Не думайте, что я накликаю бѣду, дорогой другъ, и не думайте, что забѣгаю далеко впередъ, что я хочу философствовать въ 23 года. Неосторожность преслѣдуетъ меня по пятамъ и читая мораль, я ясно понимаю какъ трудно быть точнымъ исполнителемъ своихъ взглядовъ.

Какъ вашъ братъ, какъ вашъ лучшій другъ, я не могу не благодарить Небо за то, что вы попали въ Петербургъ, пока Поль еще тамъ. Отнынѣ онъ одинъ сможетъ ввести васъ въ общество, а вращаться въ немъ будетъ вашей обязанностью и, я думаю, однимъ изъ лучшихъ вашихъ удовольствій. Насколько я знаю Петербургъ, я видѣлъ тамъ только два рода общества: или самое лучшее или самое дурное. Поэтому я нисколько не сомнѣваюсь въ вашемъ выборѣ. Въ этотъ кругъ вы включите домъ вашей родственницы княгини Шаховской, помѣстивъ его на первомъ планѣ. Доброта этой женщины превзойдетъ ваши ожиданія, а если вы очутитесь въ затруднительномъ или тяжеломъ положеніи, что къ сожалѣнію часто бываетъ съ людьми на нашемъ поприщѣ, всегда обращайтесь къ ней за совѣтомъ и помощью. Она будетъ неустанно руководить вами: будьте благоразумны, покорны ея совѣтамъ, и вы пріобрѣтете ея довѣріе. Съ вашимъ добрымъ сердцемъ вы легко этого достигнете. Пока вамъ не удастся доказать ей свою привязанность большими дѣлами, не бойтесь выражать ее болѣе мелкими, потому что именно черезъ эти поступки преданные намъ люди становятся незамѣнимыми.

Графиню вы встрѣтите окруженною нѣсколькими лицами, помощь которыхъ будетъ вамъ весьма полезна. Никогда не льстите имъ, но также и не грубите. Г-жа Б.... женщина крайне обязательная, а такъ какъ съ этимъ она соединяетъ и большой умъ, то я вполне увѣренъ, что она первая привлечетъ ваше вниманіе.—Вы встрѣтите княгиню Елену, женщину ангельской кротости, но весьма своеобразную. Вы

увидите Г-на Кл....., человекъ ловкаго, но, я думаю, онъ не сдѣлаетъ Вамъ ничего ни хорошаго, ни дурного. Барышни Клюпфель очень любезны, и вы хорошо сдѣлаете, если не будете пренебрегать обществомъ мадемуазель Рези. Ихъ мать немного *слишкомъ болтлива*, а отецъ очень добрый старикъ. Вотъ, дорогой другъ, то общество, которое я желалъ бы, чтобы вы посѣщали усердно, скажу, даже съ утра до вечера. Хорошая тетя съ первоначала можетъ быть покажется вамъ холодной, но вы очень ошибетесь, если все таки не будете оказывать ей большого вниманія и тогда вы замѣтите, что она не замедлитъ оцѣнить васъ по достоинству. Когда васъ лучше узнають въ домѣ и вы будете приняты на короткую ногу, минута, которую вы не должны ускорять, не имѣя на то нѣкотораго права, тогда не забудьте проникнуть по ту сторону маленькой гостиной. Тамъ вы встрѣтите старушку. Ее зовутъ Анной Дмитриевной. Это моя хорошая знакомая, которая можетъ быть вамъ очень полезной, если сумѣете ей понравиться не посредствомъ лесты, а путемъ той любезности и мягкости въ обращеніи, въ которыхъ никогда нельзя упрекнуть пользующихся ими. Вообще, дорогой другъ, старайтесь по мѣрѣ возможности удержаться тамъ. Этотъ домъ будетъ полезенъ для васъ и вашей службы. Я самъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, получилъ жестокій урокъ, такъ какъ большинство людей, дѣлающихъ намъ добро, побуждаются къ этому однимъ только тщеславіемъ или унижительнымъ состраданіемъ къ тому, кому это дѣлается. Хорошая тетя, наоборотъ, дѣлаетъ это какъ настоящая родственница, она дѣлаетъ добро по самымъ благороднымъ побужденіямъ своей души. Она сумѣетъ васъ понять и придетъ на помощь при малѣйшей надобности. Выслушивайте все и говорите какъ можно меньше въ большомъ обществѣ, которое вы будете ежедневно заставать у нея. Никогда не высказывайте своего мнѣнія, кромѣ какъ въ тѣсномъ кружкѣ или на ушко доброй тетѣ, потому что съ первыхъ же дней вашего появленія въ свѣтѣ глаза всѣхъ будутъ устремлены на васъ. Не бойтесь показаться молчаливымъ, что никогда вамъ не повредитъ.

Послѣ княгини Шаховской первое, самое достойное лицо, которое приходитъ мнѣ на память, это графъ де Мэстръ. Умный, полный самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, этотъ человекъ сможетъ быть вашимъ руководителемъ, такъ какъ онъ имѣетъ право на вашу откровенность и полное уваженіе. Съ его связями онъ сумѣетъ направить васъ по той дорогѣ, которая предстоить вамъ, и мнѣ доставляетъ удовольствіе признаться вамъ, что тотъ успѣхъ,

которымъ я до сихъ поръ пользуюсь, зависитъ отъ него. Когда я занимался у Каподистрія, онъ помогаль мнѣ въ занятіяхъ и много разъ защищаль меня въ опасныя для моего благосостоянія минуты. Этого чужого человѣка я считаю своимъ близкимъ родственникомъ и, не осмѣливаясь называть его другомъ, я обѣщаль ему вѣчную привязанность и неизмѣнную признательность. Его жена очень добрая прекрасная особа, которая сумѣеть дать вамъ полезныя совѣты.

Здѣсь я кончу свои указанія, дорогой мой Мишель. Вы умны, чутки, вами руководить братъ, который набрасуетъ передъ вами самую лучшую, правдивую картину общества и характеровъ, составляющихъ его лицъ, а, слѣдовательно, я вамъ ручаюсь за полный успѣхъ, если вы обѣщаете мнѣ быть честолюбивымъ безъ обидчивости, гибкимъ безъ низости, довѣрчивымъ безъ лъстивости.

Что насъ портить въ молодости, такъ это общество молодыхъ людей, и часто ихъ рѣшительный выборъ нашихъ вкусовъ и склонностей. Поэтому прошу васъ, дорогой другъ, замѣнить меня Федору Вадковскому и поддерживать дружбу съ нимъ, которая никогда не будетъ вамъ въ тягость. Это молодой человѣкъ большого ума и очень строгихъ правилъ; Вы можете идти за нимъ всюду, куда онъ поведетъ васъ, такъ какъ я убѣжденъ въ томъ, что самолюбіе направляетъ его только въ лучшее общество. Я предоставляю ему растолковать вамъ истинный смыслъ наименованій Душенька, Росска, такъ какъ именно онъ—хранитель моихъ привязанностей.

Постарайтесь, постарайтесь выдвинуться, другъ мой, и можетъ быть въ менѣ бурныя времена мы встрѣтимся на одномъ и томъ же посту. Я думаю, что это дѣло весьма возможное, а такъ какъ начинать нужно прежде всего съ подробностей, я умоляю васъ, не пренебрегайте своимъ почеркомъ, который вамъ очень поможетъ. Кажется я оставилъ въ Петербургѣ кое-какія книги, которыя и предоставляю вамъ вполнѣ.

Я еще никакъ не могу опомниться отъ удивленія, въ которое впалъ, когда узналъ о вашемъ отъѣздѣ. Я убѣжденъ, что свобода, которой вы будете теперь пользоваться, повліяетъ на ваше здоровье и что мысль о томъ, что вы сами отвѣтственны за свои поступки, сдѣлаетъ васъ осмотрительнымъ и осторожнымъ.

Этими словами я заканчиваю свое письмо. Въ немъ я не помѣщаю ни одной здѣшной новости. Прочитайте мое письмо къ Полю и

другія, незапечатанныя, и вы узнаете, въ какомъ положеніи я нахожусь и тѣ случаи, изъ которыхъ я извлекаю пользу. Прощайте, дорогой другъ.

Будьте здоровы. Желаю вамъ большого успѣха. Отъ всей души цѣлую васъ. Что сталося послѣ вашего отъѣзда съ нашей няней Катериной? Братъ вашъ Дмитрій.

VI.

Wedrann il bel paese, ch'Appenin parte, e'l mar cironda et l' Alpe.

Привѣтствую тебя, дорогой другъ, во владѣніяхъ Е. И. Высочества, молю Небо руководить твоими первыми шагами на новомъ поприщѣ и да пошлетъ оно сердцу твоему удовлетвореніе, а уму—опытность. Жду извѣстія о твоёмъ пріѣздѣ, чтобы встрѣтиться съ тобой, но я еще не рѣшилъ, какимъ образомъ предпринять это путешествіе. Графиня Шувалова, этотъ ангелъ во плоти, въ настоящее время путешествуетъ по Италіи. Проведя нѣсколько недѣль въ Римѣ, она уѣхала въ Неаполь и живетъ тамъ такъ долго, что не можетъ не вернуться скоро. Стало быть, мнѣ нужно ее подождать. При ближайшемъ свиданіи я поговорю съ тобою о ней и о ея обществѣ; она чувствуетъ себя хорошо; мадемуазель Гёттъ любитъ ее до безумія. Какъ ты устроишь, чтобы повидаться съ нею, дорогой мой другъ, вѣдь, уѣзжая изъ Италіи, Графиня поѣдетъ не черезъ Флоренцію, а по дорогѣ на Анкону. Все это очень трудно согласовать. Ты помнишь, дорогой другъ, то письмо, которое я написалъ изъ Константинополя и въ которомъ знакомилъ тебя съ характерами нѣсколькихъ лицъ изъ общества Монкальм'а; получи же и сегодня подобныя указанія относительно нѣкоторыхъ жителей Флоренціи и будь увѣренъ, что во всемъ, что я говорю, я преслѣдую только твою выгоду.

Во Флоренціи я подготовилъ тебѣ почву, но нужно сказать, что до твоего отъѣзда изъ Россіи у меня былъ крупный разговоръ съ Демидовымъ; онъ хотѣлъ отнять у тебя пенсію. Причины этого ты поймешь изъ моей переписки съ нимъ. Такъ какъ она касается тебя, то я хочу, чтобы ты самъ рѣшилъ, что тебѣ дѣлать. Мое мнѣніе таково, что ты *положительно*, безповоротно долженъ уклониться отъ жительства у Демидова, потому что это человѣкъ, который въ людскихъ отношеніяхъ руководствуется только чван-

ствомъ и который мѣняется каждую минуту, часто, сообразно со своимъ физическимъ самочувствіемъ. Домъ его, несмотря на то, что онъ о немъ говоритъ, есть сборище актеровъ, женщинъ легкаго поведенія и темныхъ личностей. Демидова никто не уважаетъ, ты скоро начнешь тяготиться узами съ нимъ, а если и заключишь ихъ, они будутъ невыносимы для тебя, а чѣмъ медленнѣе и позднѣе наступитъ вашъ разрывъ, тѣмъ больше шума и огласки онъ вызоветъ. Кромѣ того, такъ какъ у Демидова есть постоянныя торговыя дѣла, ему будетъ очень полезно, даже необходимо, воспользоваться твоимъ именемъ, положеніемъ, способностями, всѣмъ, что бы ты могъ предложить ему, чтобы все это повернуть въ свою пользу. Ты понимаешь, до чего такое положеніе можетъ стать ложнымъ и стѣснить тебя. Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ дружескихъ изъясненій, которыя ты найдешь въ его письмѣ. Я считаю всѣ ихъ ложными. Умоляю тебя, ради Бога, обойди искусно сей подводный камень. Но кромѣ того я долженъ сказать, что Демидовъ, будучи совсѣмъ неумнымъ человѣкомъ, очень хорошо знаетъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло.

Мнѣ нужно поговорить съ тобой о домѣ Бутурлиныхъ. Усердно ухаживай за нимъ, онъ будетъ полезенъ тебѣ какъ по отношенію къ флорентинскому обществу, такъ и благодаря любезнымъ людямъ, бывающимъ въ немъ, но никогда не пускайся ни въ политическіе, ни въ религіозные споры, особенно съ Мари Воронцовой, сестрой Графини-матери, женщиной ловкой, злой и способной повредить. Нѣсколько человѣкъ изъ ихъ семьи перемѣнили вѣроисповѣданіе. Твой начальникъ добрый, но необыкновенно слабый человѣкъ. Говорятъ, что онъ не ладитъ съ тосканскимъ правительствомъ, а Италинскій этого не одобряетъ. Здѣсь всѣ настроены въ твою пользу и я прошу тебя, для поддержанія этого мнѣнія, сейчасъ же напиши самое почтительное письмо Италинскому. Оно подѣйствуетъ. Приготовь другое князю Гагарину, который можетъ быть тебѣ полезнымъ.

Это письмо я посылаю съ Перовскимъ, потому что я не могъ бы довѣрить его почтѣ. Наше свиданіе наполняетъ меня радостью и счастьемъ, мнѣ кажется, что небо разверзается передо мною, и я считаю каждую минуту съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что вы въ дорогѣ. Страна, въ которой ты будешь жить, лучшее мѣсто въ Италіи: тосканскій народъ нѣженъ, ласковъ, Князь—образцовый Государь, наконецъ Флоренція—вмѣстилище искусствъ.

Кольцо, которое ты найдешь въ этомъ письмѣ, мой подарокъ тебѣ. носи его на память обо мнѣ. Изумрудъ мнѣ подарилъ Демидовъ,

раньше это была булавка, а я сдѣлалъ изъ нея кольцо. Я чувствую себя прекрасно и съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя писемъ. 10-го Мая.

Я не вложилъ кольца; отъ него былъ бы слишкомъ большой горбъ на пакетъ.

17/29 Мая 1825.

Наконецъ то ты во Флоренціи, дорогой другъ. Тысячу благодарностей за письмо. Главное оно извѣщаетъ меня о твоёмъ пріѣздѣ, но во всемъ остальномъ оно такъ лаконично, что ровно ни о чемъ не *освѣдомляетъ* меня. Ты говоришь о своихъ комнатахъ, не упоминая о томъ, гдѣ ты поселился, а ты знаешь, что это была главная статья моего письма, посланнаго тебѣ съ Перовскимъ. Гр. Шувалова давно въ Римѣ, а въ первыхъ числахъ Іюля она уѣдетъ въ Лозанну, но путь ея лежитъ все таки черезъ Анкону; такимъ образомъ, ты не сможешь увидѣть ее, если только тебѣ не разрѣшатъ выѣхать куда нибудь ей навстрѣчу. Мадемуазель *Geute* кланяется тебѣ, также какъ Кулеваевъ. Не удивляйся тому, что я мчусь во Флоренцію, обстоятельства сильнѣе меня и именно потому, что совѣтникъ уѣхалъ изъ Рима, я не могу сдѣлать того же самаго. Онъ медлитъ извѣстить меня о томъ, какимъ образомъ онъ выѣхалъ тебѣ навстрѣчу, потому что онъ не имѣетъ основаній быть довольнымъ мною, и не будетъ ихъ имѣть до тѣхъ поръ, пока не измѣнитъ своего поведенія по отношенію ко мнѣ. Я не хочу распространяться объ этомъ здѣсь, это будетъ предметомъ нашего разговора. Они поступили очень плохо, не снабдивъ тебя никакимъ письмомъ къ Итал., и чтобы исправить эту ошибку Министрства, немощно грубую, я все время *хорошо* отзывался о тебѣ. Я считаю совершенно невозможнымъ писать объ этомъ разговорѣ; достаточно тебѣ знать, что старикъ согласился съ моимъ мнѣніемъ и увѣряетъ меня, что ни въ какомъ случаѣ интрига не сможетъ тебѣ повредить. Что касается твоего помѣщенія, мнѣ кажется, что Италійскій тутъ не при чемъ, но онъ будетъ хлопотать у тосканскаго министра, *когда придетъ время*. Твое письмо написано очень хорошо, и произвело нужное дѣйствіе тамъ, гдѣ мы теперь находимся, и дастъ мнѣ возможность письменно извѣщать тебя обо всемъ, что тебя касается, до тѣхъ поръ, пока мы не сможемъ увидѣться. Свиданіе намъ необходимо, но оно сможетъ состояться только послѣ отъѣзда Гр. Шуваловой, которая не можетъ остаться одна въ Римѣ и которая по праву можетъ рассчитывать на жертвы съ нашей стороны. Я провелъ около нея счастливѣйшіе дни, потому что никто не можетъ быть нѣжнѣе и снисходительнѣе Гр. Шуваловой. Тогда то приглашеніе

Демидова одержитъ верхъ, и я побѣду на мѣсяць во Флоренцію. Въ письмѣ ты ничего не говоришь о Москвѣ, о нашихъ дѣлахъ, ни о чемъ, что мнѣ такъ любопытно знать. Но наконецъ то ты подъ прекраснымъ небомъ Италіи, посреди искусствъ и наукъ. Мои итальянскія книги въ твоёмъ распоряженіи, такимъ образомъ ты можешь не тратиться на произведенія, необходимыя тебѣ для занятій, какъ, напримѣръ, на хорошій словарь, стоящій очень дорого, Данте, Тассо, исторію Италіи Гвичардини, исторію Флоренціи Варки и Сегуи, и т. д., и т. д. Я считаю часы, сгораю отъ нетерпѣнія броситься въ твои объятія.

Римъ съ каждымъ днемъ становится для меня невыносимѣе, но я благодарю небо за то, что мнѣ не суждено было уѣхать оттуда до твоего пріѣзда во Флоренцію и пока Богу будетъ угодно, я буду терпѣливо переносить свое горе. Привезъ ли ты мнѣ что-нибудь изъ Москвы, по крайней мѣрѣ, нѣсколько писемъ? Пришли мнѣ ихъ по почтѣ, а главное пиши мнѣ три раза въ недѣлю. Я буду радъ этому. Это единственный способъ сблизить разстояніе и наполнить промежутокъ времени, который долженъ истечь между настоящей минутой и предстоящимъ свиданіемъ. Сегодня утромъ я вмѣстѣ со всѣми ѣду въ виллу Фраскати. Погода великолѣпная и мнѣ нужно поговорить о тебѣ. Съ этой надеждой природа кажется мнѣ еще прекраснѣе. Расскажи мнѣ о пріемѣ Демидова. Ухаживай за нимъ, но не склоняйся на его сторону. Наконецъ, дорогой другъ, ты можешь разсчитывать на мое рвеніе по твоей службѣ во всѣхъ случаяхъ; главное—Итальянскій, и я надѣюсь, что все пойдетъ хорошо, потому что интриги, дорогой мой Мишель, интриги очень сильны на этомъ свѣтѣ. Никогда не нужно довѣрять людямъ или подпускать ихъ къ себѣ слишкомъ близко. Какъ твое здорье?

Сколько ты получаешь жалованья? Нуженъ будетъ особый ключъ къ нашей перепискѣ.

24 Мая 1825 года.

Привѣтъ Графинѣ.

17/29 Мая 1825 года.

Но, дорогой другъ мой, что же вы такое дѣлаете, что не пишете Гр. Шуваловой цѣлую недѣлю, по пріѣздѣ во Флоренцію? Знаете ли вы, что ваше молчаніе тѣмъ тягостнѣе для нея, что она не перестаетъ думать о васъ. Сообщите же намъ подробности о томъ, какъ

вы пріѣхали и какъ устроились; нарушите свое молчаніе относительно Москвы и всего, что такъ живо касается насъ обоихъ. Тотчасъ по возвращеніи въ Римъ, Гагаринъ предложилъ Италинскому написать письмо Бассомброни, въ которомъ онъ самымъ любезнымъ образомъ рекомендуетъ васъ этому министру. Стало бытъ вы видите, что въ Римѣ ваши дѣла идутъ хорошо. Гр. Шувалова не уѣдетъ отсюда раньше начала будущаго мѣсяца; портретъ, который пишетъ съ нея Камуччини, даетъ мнѣ счастье дольше видѣть ее и въ то же самое время лишаетъ меня другого счастья—летѣть въ ваши объятія. Терпѣніе, мосье Мишель: все не можетъ дѣлаться по нашему желанію и кое что нужно приносить въ жертву необходимости. Я провожу все свое время у Графини Шуваловой и твое имя такъ часто бываетъ на устахъ у всѣхъ, кто составляетъ наше общество, что можно сказать, что воспоминаніе о тебѣ замѣняетъ твое присутствіе. Мадемуазель Гёттъ вздыхаетъ о измѣнчивости этого свѣта; какъ то разъ она даже плакала (Богъ знаетъ почему?), наконецъ, дорогой мой другъ, намъ не встрѣтить въ жизни большихъ противорѣчій, чѣмъ тѣ, которыя терзаютъ насъ сейчасъ. Я получилъ отпускъ на мѣсяць и Демидовъ далъ мнѣ средства провести его во Флоренціи. Стало бытъ, будь увѣренъ, что день отъѣзда Марѳы Посадницы будетъ днемъ и моего отъѣзда. Италинскій очень расположенъ къ вамъ, но онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что лучшее поведеніе, котораго можно придерживаться на вашемъ поприщѣ, это бытъ вполнѣ спокойнымъ. Живость молодости и желаніе бытъ всегда впереди, говоритъ онъ мнѣ, совершенно не подходятъ для чиновника. Сегодня во французской церкви св. Людовика будетъ торжественная обѣдня по случаю коронаціи Карла X, и мы въ полной парадной формѣ отправляемся къ французскому посланнику. Народу будутъ раздавать хлѣбъ и вино, а вечеромъ будетъ большая иллюминація. Кулеваевъ тебѣ кланяется, это честнѣйшій человекъ на свѣтѣ, но онъ дѣлается невыносимымъ, когда хочетъ поддержать споръ о высокихъ матеріяхъ и его бесѣды съ генераломъ потѣшаютъ ангела, предсѣдательствующаго на нашихъ собраніяхъ. Я читаю имъ Данте, и всѣ слушаютъ, ничего не понимая. Такъ пауки, привлеченные музыкой, слушаютъ пѣсни. Гр. Шувалова горитъ желаніемъ остаться; она сокрушается объ опредѣленіи *Вилламо*, гдѣ нѣкіе Пазео и еще одно лицо, имя котораго я забылъ, ждутъ ее и торопятъ покинуть Италію. Видишь, я наполняю письмо содержаніемъ, близко касающимся тебя и ты можешь радоваться, что и мнѣ пріятно бесѣдовать объ этомъ. Любезный Аббатъ проситъ тебя вспомнить его, Пралина (*sic*) Андреевна хочетъ сама написать тебѣ. Прощай. Еще одно слово.

Гр. очень желала бы знать, что случилось съ ея *Альбомомъ надписей*, потому что это было поручено тебѣ, Властителю Альбомовъ. Клянись отъ меня Бутурлинымъ.

Дорогой мой другъ. Съ сегодняшней почтой ты получишь отвѣтъ отъ Италинскаго. Ты поймешь, такъ же хорошо какъ и я, вокругъ чего онъ вертится. Мой совѣтъ тебѣ—лечь въ постель на все время, пока будутъ празднества при дворѣ, въ Луккѣ. Лучше устроиться такимъ *невиннымъ* образомъ, чѣмъ *утрашивать*. Переписка о такомъ дѣлѣ съ Шуваловой вызоветъ однѣ непріятности. Со слѣдующей почтой ты получишь болѣе подробный отвѣтъ на свое послѣднее письмо. Прощай.

8.20 Сентября 1825 года.

Когда, когда же ты прервешь жестокое молчаніе, которое ты хранишь только по отношенію ко мнѣ, дорогой мой другъ? Развѣ возможно, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ ты во Флоренціи, я не могъ получить извѣстій непосредственно отъ тебя. Будь самъ судьей своего поведенія и того горя, которое оно мнѣ причиняетъ. Страничка письма займетъ не больше часа времени; а у кого за цѣлый день не найдется часа свободнаго времени? Гр. Шувалова уѣдетъ на этой недѣлѣ; она замѣшкалась въ Римѣ, она боится сильной жары, которая не годится для ея здоровья, въ общемъ превосходнаго. Великолѣпная картина Камуччини не задерживаетъ ее больше, а я потерю всякую радость съ ея отъѣздомъ. Какъ только она уѣдетъ, я сяду въ карету, чтобы ѣхать къ тебѣ и остановлюсь у Демидова: это жертва, которую я долженъ принести обстоятельствамъ. Твои дѣла, какъ ты знаешь, идутъ очень хорошо, а Италинскій, право, очень хорошо къ тебѣ относится. Это самое прочное покровительство, котораго ты можешь желать и достигъ. Я получилъ письмо отъ Графини Нессельроде, она видѣла тебя въ Краковѣ. „Онъ казался счастливымъ,—сказала она мнѣ,—уже оттого, что ѣдетъ на мѣсто службы, и будетъ еще счастливѣе, когда узнаетъ эту единственную страну.“ Да, я это понимаю: Италия ярко говоритъ сердцу, пока мы еще не отрѣшились отъ призрачныхъ красотъ того возраста, когда страсти владѣютъ нами, и мы еще не стремимся къ истинной цѣли нашего существованія. Италия меня состарила, вмѣсто того, чтобы сдѣлать меня моложе, а человѣческое общество есть противоядіе противъ юношескихъ мечтаній.

И жизнь, какъ преткновенья камень,
Какъ стѣнь, лежитъ передо мной.

Каждый день у насъ здѣсь торжественныя шествія, но скука.—никакого общества, никакихъ представленій, ничего кромѣ церковныхъ пѣснопѣній!—Мнѣ нужно сказать тебѣ множество вещей, но я берегу ихъ до нашего свиданія, потому что письмо никогда не можетъ замѣнить разговора. Всѣхъ художниковъ Рима я заставилъ работать для альбома Графини, онъ будетъ великолѣпный, потому что она не считается съ цѣной; онъ будетъ богатъ и полонъ произведеніями величайшихъ живописцевъ:—она жалѣетъ, что у нея нѣтъ альбома надписей. Пришли его по почтѣ. Ты получишь письмо мадемуазель Гёттъ. Какъ это случилось, что ты никогда не говорилъ мнѣ о ней, и я не зналъ бы о ея существованіи, если бы не пребываніе Графини въ Римѣ.—Этого пробѣла въ твоей перепискѣ я тебѣ никогда не прощу... Прощай.

5 Июня 1825 года.

По письму вижу, что все идетъ прекрасно, дорогой Мишель. Будь настойчивъ въ поведеніи. Будь всегда спокоенъ, съ мужчинами очень спокоенъ, будь живымъ только съ женщинами. Твое письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, но только свиданіе съ тобой сможетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, съ которыми мнѣ нужно обратиться къ тебѣ. Пери получила отъ тебя *два письма*; это прекрасная особа, но она недостаточно знаетъ свѣтъ. Гр. Шувалова кланяется тебѣ; мнѣ кажется, что ей хотѣлось бы чаще получать извѣстія непосредственно отъ тебя; Кулеваевъ сердится, что ты не отвѣчаешь на его длинное письмо, впрочемъ, всѣ тебя любятъ, помнятъ и жалѣютъ о твоёмъ отсутствіи. Я читалъ и перечитывалъ обществу твою статью. Мы не поняли ни горба Толитуга, ни роль Амедея; объ остальномъ толковали различнымъ образомъ, и все угадали. Гр. пожелала имѣть мой портретъ, который одинъ маленькій римскій художникъ и сдѣлалъ ей довольно хорошо и довольно похоже. Аудіенція у Папы, которую Графиня должна имѣть, замедляетъ ея отъѣздъ изъ Рима, и какъ только она состоится, увы! всѣ препятствія будутъ устранены.—Ты не говоришь мнѣ, дорогой другъ, ни одного слова о дневникѣ нашей бабушки, это наводитъ меня на мысль, что я разочаровался въ своихъ лучшихъ мечтахъ. Это меня очень огорчаетъ. Я получилъ изъ Петербурга толстую связку газетъ, журналовъ и книгъ. Новая маленькая поэма Пушкина, повидимому, ничтожна: это плохая риемованная проза и это такъ и должно быть, потому что даже женщины, готовыя броситься въ огонь изъ за новой романтической поэзіи, не смогли бы вынести ея чтенія. Какія чувства, какія страданія, какіе способы ихъ изображенія! Одна строчка Данте, вы-

хваченная наугадъ, стоитъ цѣлой поэмы Пушкина. Ну! Такъ какъ же ты чувствуешь себя на берегахъ Арно? Щелчокъ, который ты далъ Д....., мнѣ очень нравится. Тонъ, какимъ мнѣ здѣсь говорила мадемуазель Дурнова о предположеніи ея брата поселить тебя у него, разсмѣшили меня. Это налимъ въ образѣ умной женщины. Передай мой привѣтъ мадемуазель В. Я очень виновать передъ ней, но повтори ей, что она снисходительнѣе музъ. Въ Римѣ мы живемъ очень спокойной жизнью. Погода до сихъ поръ была холодная, сырая, дождливая, но теперь начинаетъ улучшаться. Мнѣ больше не нужно описывать тебѣ прекрасный итальянскій день, это dolce color d'oriental Zaffiro.

Время, которое ты проведешь безъ меня во Флоренціи, дастъ тебѣ возможность быть потомъ моимъ чичероне. Ты поведешь меня въ итальянскій Вестминстеръ, и къ ногамъ Венеры Медицейской. Мы будемъ осматривать Мысль Микель Анджело и поднимемся на Фьезоле, эту колыбель флорентинцевъ. Сколько радостей будетъ у меня съ того дня, какъ мы увидимся, дорогой Мишель! Остановившись у Демидова, я увѣренъ, что каждый день буду пользоваться его экипажемъ, а мое пребываніе въ его домѣ сможетъ нѣкоторымъ образомъ сгладить тѣ неровности, которыя создались у него по отношенію къ тебѣ. Такимъ образомъ я надѣюсь примирить васъ.

Сейчасъ пришли мнѣ твой адресъ.

Аббатъ просить тебя извѣстить его по почтѣ, нѣтъ ли писемъ на имя *Лоренцо Негри*, и прислать ихъ ему.

Прощай.

7-го Іюня.

Марѳа Посадница подарила мнѣ чудный бронзовый ящикъ, съ мозаикой, и я предназначаю его своему зятю . . . . . въ томъ рвеніи, которое онъ выказываетъ, то хлопоча объ успѣхѣ нашихъ дѣлъ. Я окончательно порвалъ съ Г.—и не жалѣю объ этомъ, увѣряю тебя.

